

На правах рукописи

ХУ Юйпинь

**ТОКСИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК
КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО
И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Ху Юйпинь

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Дмитриева Ольга Александровна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Боева-Омелечко Наталья Борисовна*, доктор филологических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», профессор кафедры теории и практики английского языка);

Дубровская Елена Михайловна, кандидат филологических наук (ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», доцент кафедры филологии).

Ведущая организация – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева».

Защита состоится 21 мая 2025 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета 33.2.007.02 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г Волгоград, пр-кт им. В.И. Ленина, 27. ауд. 0231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»: <https://www.vspu.ru>.

Автореферат разослан 19 марта 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Гулинов Дмитрий Юрьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено изучению токсичного человека как лингвокультурного типажа в русском и китайском языках. Работа выполнена с позиций лингвокультурологии, теории лингвокультурных типажей и теории коммуникации.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется следующими факторами:

1) существованием в коллективном языковом сознании разных социумов индивидов, воплощающих в себе определённые коммуникативные нормы поведения, свойственные различным лингвокультурным сообществам, – лингвокультурным типажам; 2) необходимостью комплексного описания деструктивного поведения индивида, воспринимаемого в разных лингвокультурных сообществах как воплощение токсичности – феномена, обращающего сегодня на себя значительное внимание в социуме в силу разрушающего морального воздействия на общество в разноформатной коммуникации; 3) отсутствием научных работ, исследующих лингвокультурный типаж «токсичный человек» в русском и китайском языках.

В основу диссертационного исследования положена следующая **гипотеза**: в коллективном языковом сознании представителей китайской и русской лингвокультур существует стереотипное представление о токсичном человеке, чьё коммуникативное поведение характеризуется деструктивностью и достаточно полно в них репрезентировано. Лингвокультурный типаж «токсичный человек» в русском и китайском языковом сознании обладает целым рядом образных признаков, позволяющих судить о ценностной характеристике рассматриваемого явления.

В качестве **объекта** исследования выступает лингвокультурный типаж «токсичный человек».

Предметом работы являются лингвокультурные (конститутивные, образные и ценностные) характеристики данного типажа в русском и китайском языках и коммуникативные стратегии, приписываемые ему извне.

Цель исследования: выявить и описать понятийные, образные и ценностные характеристики лингвокультурного типажа «токсичный человек» в современных русском и китайском языках в сопоставительном аспекте и определить базовые коммуникативные стратегии и тактики, приписываемые данному типу со стороны жертвы. Для достижения поставленной цели в работе решались следующие **задачи**:

- 1) уточнить сущность понятия «деструктивное поведение»;
- 2) установить конститутивные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в русском и китайском языках;
- 3) описать образные и ценностные признаки рассматриваемого типажа в этих языках;
- 4) определить коммуникативные стратегии и тактики, приписываемые лингвокультурному типуажу «токсичный человек», в сравниваемых языках.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений:

1. Исследования в области лингвокультурологии и теории лингвокультурных типажей (А.В. Асадуллаева, Г.А. Баженов, В.А. Буряковская, Л.А. Васильева, Ю.В. Веденёва, С.В. Волошина, В.В. Воробьев, Е.В. Гуляева, Ф.Н. Даулет, О.А. Дмитриева, Е.М. Дубровская, В.И. Карасик, О.В. Лутовинова, И.А. Мурзинова, Е.О. Опарина, Н.Н. Панченко, В.А. Резник, М.А. Толстова, Ф.Г. Фаткуллина, П.А. Щербо, Е.А. Ярмахова и др.).

2. Работы по теории коммуникации (А.Б. Белоусов, Н.Б. Боева-Омелечко, В.Г. Болотюк, А.А. Ван-Чан-жоу, М.А. Василика, Т.А. Воронцова, Чэнь Дачжэн (陈大正), Чэнь Жунцзе (陈荣杰), Е.И. Зиновьева, О.С. Иссерс, У.Д. Камбаралиева, В.Б. Кашкин, В.Ф. Кузнецов, Н.А. Лемякина, В.Д. Шевченко, Вэй Липин (尉立萍), В.Ц. Намсараева, Н.Н. Панченко, И.А. Стернин, Чжан Сюе (张雪), Ли Хуэйюй (李惠玉), Ф.И. Шарков, Ли Юаньшоу (李元授), Куан Юймэй (匡玉梅), Цэнь Юньцянь (岑运强).

3. Работы по исследованию вербального проявления агрессии (Т.Н. Банщикова, А.Х. Басс, Р. Бэрн, Я.А. Волкова, Го Вэй (郭薇), О.А. Дмитриева, А.Ю. Ключевская, М.Д. Кубышкина, Д. Ричардсон, Э. Фромм, Чжан Сюе (张雪), Ю.В. Щербинина и др.).

4. Положения дискурсивной лингвистики, рассматривающие природу, типологические особенности и характеристики агрессивного дискурса (С.В. Волошина, Т.А. Воронцова, Го Вэй (郭薇), Н.Н. Панченко, М.Ю. Сейранян, М.А. Толстова, Ю.В. Щербинина и др.).

Материалом для проведения исследования послужили 2 000 контекстов с описанием деструктивного поведения, характеризующего токсичного человека, из русских и китайских интернет-изданий (B17.ru, Style.rbc.ru, Royalcheese.ru, Forbes.ru, Woman.rambler.ru, Psychologyman.ru, Psiholog-panova.ru, Trends.rbc.ru, Ktonanovenkogo.ru, Shkolazhizni.

ru, Ooo-badis.ru, Monocler.ru, Lifehacker.ru, Burninghut.ru, Stoptrevoga.ru, www.yctu.edu.cn, www.sou.com, www.360kuai.com, www.jianshu.com, www.xinli001.com и т. д.), Национальный корпус русского языка и BLCU Corpus Center (BCC), видеоблогов и интернет-форумов.

В качестве основных **методов** исследования использовались: метод дефиниционного анализа, интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, количественный подсчет, ассоциативный эксперимент, сопоставительный метод, интроспекция.

Научная новизна работы состоит: а) в выявлении особенностей коммуникативного поведения русского и китайского лингвокультурного типажа «токсичный человек» со стороны жертвы; б) в определении конститутивных, образных и ценностных характеристик данного типажа в сопоставляемых лингвокультурах; в) в установлении коммуникативных стратегий и тактик, приписываемых извне лингвокультурному типу «токсичный человек» русскими и китайцами.

Личный вклад соискателя заключается в сопоставительной характеристике такого социо-психологического феномена, как токсичность, в русском и китайском языках с позиций теории лингвокультурных типажей, в моделировании лингвокультурного типажа «токсичный человек» в сопоставляемых языках.

Теоретическая значимость работы определяется полученными результатами, которые: 1) вносят вклад в дальнейшее развитие лингвокультурологии и, в частности, теории лингвокультурных типажей; 2) развивают положения теории коммуникации, связанные со способами проявления токсичности как социо-психологического феномена; 3) выявляют этнокультурные особенности лингвокультурного типажа «токсичный человек»; 4) вносят вклад в междисциплинарное исследование понятия «токсичное поведение».

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования полученных результатов в преподавании теоретических курсов общего языкознания, стилистики, спецкурсов по лингвокультурологии, этнолингвистике, лингвоэкологии и теории лингвокультурных типажей. Результаты исследования могут быть использованы студентами-филологами при подготовке выпускных квалификационных работ.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В современном русском и китайском коммуникативном пространстве заметные позиции занимает феномен токсичности, отражающей негармоничные, часто конфликтные взаимоотношения людей,

что имеет своим результатом появление у них стереотипного представления о токсичном человеке – лингвокультурном типаже, обладающем определенными чертами характера, деструктивным поведением, в том числе отталкивающей манерой речевого поведения и рядом внешних признаков.

2. Конститутивные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в целом совпадают в китайской и русской лингвокультурах. Они сводятся к следующим: а) человек, стремящийся к контролю над окружающими, б) создающий негативную атмосферу, вызывающую болезненные переживания у собеседника в течение длительного времени, в) сосредоточенный на собственных желаниях и интересах.

3. Образные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в русской лингвокультуре следующие: «дежурная / фальшивая улыбка», «злые глаза», «желчь», «вампир», «нарцисс», «распространяющий яд», «сеющий токсины», «отравляющий», «удушающий». Данные признаки в аксиологическом плане негативно-оценочны. Образные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в китайской лингвокультуре следующие: «отравляющий», «распространяющий токсины», «дьявол», «злая улыбка», «ядовитый язык», «мусор», «аномальный мозг». В ценностном отношении эти образные признаки негативно-оценочны.

4. Основной коммуникативной стратегией, приписываемой токсичному человеку извне (со стороны жертвы токсичности), в русском и китайском языках является доминирование. Данная стратегия реализуется посредством коммуникативных тактик демонстрации власти и силы, обвинения, оскорбления, доказательства своей правоты, игнорирования мнения собеседника, высмеивания, словесного нападения, демонстрации лидерства. Они носят универсальный характер для обеих лингвокультур.

5. Этнокультурная специфика деструктивного коммуникативного поведения исследуемого типажа в русской лингвокультуре проявляется в использовании тактики санкционирования (установление блокады коммуниканта, демонстративное невыполнение обязательств), тактики информирования и тактики привлечения союзника, в то время как в китайской лингвокультуре в отличие от русской лингвокультурный типаж «токсичный человек» часто прибегает к тактикам прямой угрозы, обвинения и тактике скрытого издеательства, эффект от применения которой достигается посредством манипуляции «лицом» – значимой для китайской лингвокультуры категорией.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации были изложены на научных конференциях: «Русский язык в поликультурной образовательной среде» (Волгоград, 2021, 2022, 2023, 2024), «Актуальные вопросы физиологии, медицины, психологии и педагогики» (Нур-Султан, 2021), «Актуальные проблемы билингвизма и диалога культур (в аспекте взаимодействия русского языка с языками Центральной Азии)» (Бишкек, 2022), «Язык – Литература – Культура» (Андижан, 2022), «Человек и его язык в гуманитарной ретроспективе» (Москва, 2022), «Актуальные вопросы современных научных исследований» (Душанбе, 2022), «Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых» (Душанбе, 2022), «Лингвистические основы профессиональной деятельности» (Волгоград, 2022), «Когнитивный, коммуникативный и дидактический аспекты русского языка» (Волгоград, 2022, 2023, 2024), «Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах» (Курган, 2023), «Теория и практика коммуникации» (Тирасполь, 2023), «Актуальные проблемы языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков в вузах» (Душанбе, 2023), «Образование: проблемы и перспективы, ценности и инновации» (Токмок, 2023), «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2023), «Родной язык и культура в цифровой вселенной» (Саранск, 2023), «Социокультурные практики дошкольного детства» (Волгоград, 2023), «Лингвокультурология в аспекте преподавания русского языка как иностранного: актуальные подходы и методы» (Волгоград, 2024), «Любопытное в лингвистике, переводоведении, лингводидактике» (Волгоград, 2024), «Моя семья – Мое богатство» (Волгоград, 2024), «Наука и образование в XXI веке» (Туркменабат, 2024).

По теме исследования опубликовано 14 работ (в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, общим объемом 6,67 п.л.).

Структура диссертации обусловлена логикой исследования и включает введение, две главы, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дано обоснование актуальности темы диссертационного исследования, сформулированы его цель, задачи, объект, предмет, гипотеза, теоретическая значимость, практическая ценность и научная новизна, указаны использованные методы, изложены выносимые на защиту теоретические положения.

В первой главе «Теоретические предпосылки исследования деструктивного коммуникативного поведения с позиций теории лингвокультурных типажей» рассматривается активно развивающееся направление современной отечественной лингвистики – теория лингвокультурных типажей и ряд связанных с ней вопросов – понимание феноменов коммуникативного поведения, деструктивного коммуникативного поведения, типологии коммуникативных стратегий и тактик.

Лингвокультурный типаж как ключевой термин представленного исследования понимается нами вслед за В.И. Карасиком и О.А. Дмитриевой как узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [Карасик, Дмитриева, 2005]. Лингвокультурный типаж – это разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность. В лингвокультурном типаже отражена этнокультурная специфика, выражены его аксиологические установки как представителя определенного социального страта социума, чем обусловлена лингвистическая и в целом гуманитарно-социальная востребованность в исследованиях теории лингвокультурных типажей.

Учеными уже накоплен богатый опыт описания лингвокультурных типажей, успешно апробированы методы их изучения [А.В. Асадуллаева, Ю.В. Веденёва, Е.М. Дубровская, А.Ю. Коровина, Е.А. Ярмахова и др.]. При исследовании лингвокультурного типажа «токсичный человек» мы опираемся на концепцию О.А. Дмитриевой, предлагающей следующий алгоритм его моделирования: 1) социокультурная справка о рассматриваемом типаже (т. е., описание роли данного типажа в исследуемом социуме, исторический контекст существования типажа); 2) паспорт лингвокультурного типажа (т.е. учет таких параметров, как внешний облик, гендерная принадлежность, происхождение, социальный статус, место жительства, характер жилища, сфера деятельности, семейное положение, досуг, окружение, речевые особенности); 3) ценностные приоритеты изучаемого лингвокультурного типажа и его оценка окружающими [Дмитриева, 2007]. По мнению исследователя, не все параметры указанного алгоритма релевантны для изучения конкретного лингвокультурного типажа. Применительно к лингвокультурному типуажу «токсичный человек» важны такие параметры, как его паспорт и система ценностных приоритетов. Их мы устанавливаем посредством анализа речевых высказываний жертв / псевдожертв токсичности.

Токсичность как социально-психологическое явление активно проявляется в речи наших современников, в частности в масс-медийном

дискурсе (в особенности в таких жанрах, как чат, блог, форум). Токсичность может быть репрезентирована в эксплицитной и имплицитной форме. Этот феномен лингвистически разнообразно представлен в коммуникативном поведении человека [Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко, К.М. Шилихина]. Под коммуникативным поведением мы вслед за Н.А. Лемяскиной и И.А. Стерниным понимаем «совокупность коммуникативных норм и традиций определенной группы людей» [Лемяскина, Стернин, 2000, с. 10]¹. Одним из его типов является деструктивное коммуникативное поведение. Его облигаторной составляющей выступает понятие «агрессия». В психологии принято выделять злокачественную и доброкачественную агрессию. Деструктивное поведение представляет собой тип злокачественной агрессии. Она характерна только для человеческого общества, сопровождается определенными эмоциональными переживаниями. Ей противопоставляется, согласно Э. Фромму, доброкачественная агрессия, свойственная животным. Она характерна и для человека в том случае, когда речь идет не о преднамеренном нанесении вреда окружающим [Фромм, 1994]. В межличностном взаимодействии в социуме имеет место деструктивность, что определяется, в том числе, и инстинктивными реакциями человека. В этом случае принято говорить о доброкачественной агрессии. В случае если актер коммуникации намеренно наносит моральный вред окружающим (оскорбление, унижение и т.п.), речь идет о злокачественной агрессии или о деструктивном коммуникативном поведении. В структуру коммуникативной ситуации, связанной с деструктивным поведением, входит такой компонент, как «намеренная интенция нанести вред другому человеку или группе лиц».

Феномен агрессии активно исследуется и китайскими учеными. В академической сфере при этом используются в качестве базовых термины «侵略» / «агрессия», «本能» / «инстинкт», «人的潜能» / «человеческий потенциал» и «(破坏性行为)» / «деструктивное поведение». Исследования показывают, что системообразующими универсальными признаками злокачественной агрессии, проявляющейся в деструктивном поведении, являются следующие: «форма или модель поведения», «предумышленность», «вред физический», «вред психологический». Таким образом, деструктивное поведение – это форма злокачественной агрессии. Оно направлено на причинение вреда другому человеку или группе людей.

¹ Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2000. 164 с.

На основе анализа научной литературы мы выделили концептуальные и поведенческие характеристики деструктивной коммуникации между людьми, среди которых деструктивное общение – это вид и форма общения, направленная на реализацию корыстных мотивов субъекта и причинение психического и физического вреда собеседнику. Систематизирующими признаками деструктивного поведения выступают: нарушение общепринятых норм поведения со стороны агрессора, нарушение им моральных установок, причинение физического и/или психологического вреда жертве.

Изучение коммуникативного поведения предполагает анализ коммуникативных стратегий и их реализующих тактик [Я.А. Волкова, О.С. Иссерс, Н.Н. Панченко, О.Н. Паршина, К.М. Шелихина и др.]. Коммуникативная стратегия – это действия, поступки человека, направленные на достижение определенной цели в процессе общения. Коммуникативная стратегия включает в себя выбор определенных вербальных и невербальных средств, структуру высказывания, а также различные коммуникативные тактики, понимаемые как конкретные практико-ориентированные шаги адресанта.

Современные исследователи выделяют широкий спектр коммуникативных стратегий (стратегия самопрезентации, стратегия семантического маневрирования, стратегия конфронтации, стратегия компромисса, стратегия сотрудничества, стратегия избегания, стратегия приспособления и др.). При этом базовыми считаются, судя по публикациям [О.С. Иссерс, Н.А. Красавский, О.Н. Паршина и др.], стратегия сотрудничества и стратегия конфронтации. Базовый статус стратегии во многом зависит от того, кто с кем общается, с какой целью, происходит ли коммуникация непосредственно между ее участниками или же опосредовано, в частности в оценке коммуниканта со стороны, например, с позиций жертвы при токсичном или псевдотоксичном общении. В таком случае ключевыми могут оказаться стратегия презентации другого и стратегия доминирования.

Во второй главе «Актуализация деструктивного коммуникативного поведения лингвокультурного типажа “токсичный человек”» представлены результаты моделирования лингвокультурного типажа «токсичный человек» с выделением и описанием в его структуре понятийной, образной и ценностной составляющих, а также рассмотрены особенности коммуникативного поведения токсичного человека со стороны его жертвы/псевдожертвы посредством анализа коммуникативных тактик.

При моделировании данного лингвокультурного типажа в русском и китайском языках материалом послужили соцсети, блоги, сайты популярных журналов. Их анализ показывает, что в последние годы употребление лексем «токсичность» / «毒性» и их дериватов широко распространено. Они служат основными языковыми единицами в системе обозначений токсичного человека. Для этих слов и их производных, рассмотренных в диахронической плоскости, характерно расширение семантики. Объем их значений изменился, они употребляются в метафорическом значении, приобрели оценочные коннотации, выполняют аксиологическую функцию в русском и китайском языках. В русском языке слово «токсичность» используется в негативном значении, подчеркивает осуждение в обществе данной черты характера и соответственно поступков человека. В китайском языке слово «毒性» (токсичность) также имеет пейоративное значение, но в ряде случаев оно приобретает мелиоративное контекстуальное значение, в частности в юмористическом, шутовском общении.

Высок индекс частотности употребления и словосочетаний «токсичный человек» в русском языке и «有毒的人» в китайском языке, служащих средством описания соответствующих качеств индивида и его поступков.

Анализ текстов китайских и российских СМИ позволяет сделать вывод, что системообразующие (конститутивные) признаки типажа «токсичный человек» в целом совпадают в китайской и русской лингвокультурах – «человек, стремящийся к контролю над окружающими», «человек, создающий негативную атмосферу, вызывающую болезненные переживания у собеседника в течение длительного периода», «человек, сосредоточенный на собственных желаниях и интересах». Токсичный человек сочетает в себе многочисленные негативные характеристики, может проявлять себя как *манипулятор, сплетник, критикант, завистник, эгоист, тиран, ханжа, лгуно, обесценивающий чужой труд и собеседника, закомплексованный, нарцисс, вампир*. Поведение токсичного человека объективировано в русском языке глаголами *токсичничать* и *токсить*, что также свидетельствует об узнаваемости и типичности поведения целого ряда личностей. В китайском языке для наименования токсичного человека «有毒的人» используют выражения «有魔性的人» (*дьявольский человек*), «有害的人» (*вредный человек*) и «恶毒的人» (*порочный человек*). Среди оценочной лексики, используемой для номинации токсичного человека, в китайском медийном дискурсе обнаружены (в отличие от русского) мелиоративы, применяемые в качестве иронии или самоиронии в шутовском общении.

Отсутствие ярко выраженной лингвокультурной специфики на уровне конститутивных признаков рассматриваемого типажа объясняется, по нашему мнению, самой природой феномена токсичности, которая выступает психологической универсалией, отражающей деструктивность в межличностном общении людей вне зависимости от их этнической принадлежности. Данный вывод, однако, не значит, что деструктивное поведение как фундамент токсичности этнических индивидов не обладает некоторыми специфическими чертами применительно к образным характеристикам, приписываемым, в частности жертвами токсичности, носителям и распространителям токсичности.

Проведенный свободный ассоциативный эксперимент, в котором участвовали 400 человек (200 россиян и 200 китайцев), позволил установить макроструктурную организацию ассоциативного поля «токсичный человек», состоящего из трех макрокомпонентов: образно-перцептивного компонента, понятийного содержания и интерпретационного поля. Интерпретационное поле включает оценочную (общая, эмоциональная, интеллектуальная, нравственная оценки), утилитарную и регулятивную зоны. Установлено, что в китайском языке ассоциативное поле типажа «токсичный человек» включает, в основном, пейоративные и отчасти нейтральные признаки. У россиян токсичный человек ассоциируется с негативными признаками, характеризующимися регулярностью и повторяемостью разрушительного воздействия на жертву.

Наиболее часто встречающимися ассоциатами у китайцев оказались следующие слова и выражения: 思想奇特 (странное мышление) (13)², 给别人带来不好的影响或麻烦 (плохо влиять на других, создавать проблемы) (12), 坏人 (плохие люди) (12); 奇怪的 (странные) (11), 搞笑的 (смешные) (10), 与众不同的 (своеобразный) (10), 有感染力的 (заразные) (10), 有病的 (больные) (8), 毒舌 (ядовитый язык) (8). К числу наиболее часто встречающихся слов-ассоциатов у русских относятся следующие слова и выражения: вредный (17), манипулятор (15), всегда всем недовольный (15), едкий (13), грубый (12), негативный (12), завистник (12), властный (11), недотрога (11), язвительный (10), завистливый (9), конфликт (9), сплетничают (9), лгут (8), постоянно жалуется на кого-то, из себя делает жертву, чтобы ее жалели (8), эгоистичный (8).

Опираясь на ранее указанный алгоритм моделирования лингвокультурных типажей, мы выделили и сравнили параметры паспорта лингвокультурного типажа «токсичный человек», выявили в определенной

² В скобках указано количество ассоциатов на словосочетание-стимул «токсичный человек».

степени представленную его лингвокультурную специфику. Мы установили, что признак «токсичность» проявляется в описании внешности, жилища, деятельности, окружения, досуга типизируемой личности «токсичный человек».

Внешность

При оценке внешности человека отрицательная оценка так называемой «токсичной позитивности» в русской лингвокультуре проявляется в фальшивой, дежурной, неискренней улыбке. В русском лингвокультурном типаже, помимо данного образного признака, выявлен признак «злые глаза», негативно характеризующий человека как носителя деструктивности. В российском социуме этот типаж ассоциирован с желчью, символизирующей озлобленного, злорадствующего человека, нередко агрессивно настроенного в представлении жертвы.

Токсичная улыбка как негативно оцениваемая «злая улыбка» имеет место в описаниях внешности токсичных людей в китайской лингвокультуре. Злая улыбка как мимическая реакция человека может свидетельствовать о токсичности человека, его деструктивных действиях. Она также образно сопоставляется с ядом, с ядовитой змеей, вызывая тем самым страх у окружающих.

В обеих сопоставляемых лингвокультурах токсичным может быть любой человек вне зависимости от его половой и возрастной принадлежности. В проанализированных контекстах встречаются описания токсичных бабушек, дедушек, токсичных детей, токсичных девушек и парней: 有毒的小孩 (токсичный ребенок), 有毒的老人 (токсичный старик), 有毒的爷爷 (токсичный дедушка), 有毒的奶奶 (токсичная бабушка), токсичный мужчина (有毒的男人), токсичная женщина (有毒的女人) и т.д.

Жилище

Место жительства токсичного человека в русской лингвокультуре – это токсичный дом. Этот тип дома описывается русскими такими словами, как *беспорядочный, старый, грязный* и т.д. Данные оценочные эпитеты проецируются и на самого человека. Жертвами токсичного дома (квартиры) воспринимают себя соседи. Приведем пример: *Балкон завален не трофеями, а разбитыми детскими санками и старыми колготками с луком, лежащими там уже много лет. Кровать, на которой умирал отец от рака, чашка, из которой пила мать перед смертью, скандалы, пропитывающие стены вот уже 3 поколения – токсичный, токсичный дом! Он окружает и высасывает* [www.

b17.ru, 2019.05]. В приведенном отрывке токсичность жилища выражается в беспорядке, наличии старых вещей, а также в моральной атмосфере, негативно влияющей на жильцов дома. Судя по контексту, у того, кто владеет токсичного дома/квартиры, токсичен и характер. Иначе говоря, состояние жилища характеризует и самого человека. В китайском языке существует словосочетание 有毒的房子 (токсичный дом), но в отличие от русского языка оно употребляется в прямом значении.

Деятельность

Выявленные нами многочисленные лексемы и словосочетания (*токсичный босс, подчиненный, секретарь, начальник, руководитель, коллега*) свидетельствуют о широком распространении в социуме такого типа/психотипа, как токсичные люди. Обращение к анализу деятельностного аспекта применительно к токсичности обнаруживает указание на конкретные профессиональные сферы человека: токсичный врач, терапевт, учитель, психолог, журналист, политик. Все перечисленные профессии связаны с активным общением, где проявляется и распространяется токсичное межличностное взаимодействие. Например: *Токсичный врач видит себя в роли наставника, правоучителя или даже родителя в отношениях со своими пациентами. Такой специалист отчитывает пациента за его образ жизни, обесценивает его потребности и чувства, комментирует внешность и поведение. Смех или неоднозначные реакции на подробности интимной жизни, некорректные вопросы по типу «И вот так всю жизнь проходите?» людям с тату или «С таким цветом волос на работу вообще принимают?», а также «любимая» многими девушками и женщинами рекомендация – «родишь и пройдет»* [www.psychologies.ru, 2023.06].

Как и в русском языке перечисленные выше эквивалентные лексемы есть и в китайском языке: 有毒的老板 (токсичный бос), 有毒的上司 (токсичный начальник), 有毒的下属 (токсичный подчиненный), 有毒的员工 (токсичный сотрудник), 有毒的领导 (токсичный лидер), 有毒的同事 (токсичный коллега). Они используются в различных сферах социума и характеризуют его членов: учителей, юристов, врачей, психологов и т.д. Например: 在工作中, 大多数人不得不在很多场合忍受“有毒员工” – *На работе большинству людей часто приходится мириться с токсичными сотрудниками* [baike.baidu.com, 2019.04]. Как мы видим, здесь термин «токсичный» используется для описания осуждаемого поведения человека.

Окружение

Для наименования взаимоотношений с токсичным человеком в русском языке часто используются выражения «токсичные отношения», «токсичное окружение». Поскольку описание всех параметров лингвокультурного типажа «токсичный человек» происходит извне, то поведение токсичного человека характеризуется оценочно (*ядовитое поведение, желчное поведение, удушающее поведение, распространение яда* и т.п.). В языке широко используются слова с отрицательной коннотацией, называющие токсичного человека (*душила, зануда, вампир, токс* и т.д.). В китайском социуме токсичному человеку извне приписываются такие характеристики, как агрессивность, стремление к контролю ситуации, ревность и эгоизм. Проявление этих признаков ведет к деструктивности в общении. Первые два из них – это своеобразное, оказывающее негативное воздействие на окружающих поведение (в том числе и коммуникативное поведение). Ревность и эгоизм следует квалифицировать, на наш взгляд, как черты характера человека, также отрицательно оцениваемые в обществе. Показателен следующий пример из китайских СМИ: *在探讨最有毒的亲密关系时，我们不得不面对一个事实：这种关系往往是一种不健康、不平衡的人际关系，其中一方或双方表现出攻击性、控制欲、嫉妒和独占欲等负面行为。 – Обсуждая самые токсичные отношения, мы должны признать факт: эти отношения часто являются нездоровыми, несбалансированными межличностными отношениями, в которых один или оба партнера демонстрируют негативное поведение, такое как агрессия, контроль, ревность и собственничество* [baijiahao.baidu.com, 2024.10].

Досуг

В качестве свободного времяпрепровождения могут выступать токсичное хобби, токсичное увлечение, токсичные туры, чтение токсичных книг, посещение токсичного контента, изучение токсичной информации, просмотр токсичных фильмов. Токсичными могут быть персонажи и роли. Приведем пример: *Некоторые популярные игры «токсичны», судя по разрушительному действию на психику и организм ребёнка. Очень опасны онлайн-групповые многоуровневые игры, на которых построена целая индустрия (фильмы, одежда, посуда, фигурки). Ребёнок преследуют атрибуты игры. Опасны программы и фильмы, несущие киберагрессию* [np.aif.ru, 2016.10]. В этом отрывке описывается вред, наносимый детской психике и здоровью компьютерными играми. Материал показывает, что самые различные виды досуга в повседневной жизни могут стать токсичными. В китайской выборке так-

же обнаружены многочисленные примеры описания токсичных видов досуга: 有毒的爱好 (токсичные хобби), 有毒的游戏 (токсичные игры), 有毒的读物 (токсичный материал для чтения – книги, журналы, газеты), 看有毒的视频、电影 (просмотр токсичных видеороликов, фильмов) и т.д. Эти токсичные виды досуга в представлении китайцев оказывают большое негативное воздействие прежде всего на детей, молодежь.

Анализ текстов массмедиа и результатов свободного ассоциативного эксперимента выявил ряд образных признаков лингвокультурного типажа «токсичный человек» в сопоставляемых языках. В русской лингвокультуре этот типаж помимо отмеченных выше образных признаков «фальшивая, дежурная, неискренняя улыбка», «злые глаза» и «желчь» обладает в представлении жертвы поведенческими паттернами вампира и нарцисса. Для иллюстрации приведем примеры: *Токсические отношения могут возникать с токсичными людьми – в просторечии утвердился термин «энергетический вампир». На вид это вполне нормальные люди, довольно успешно функционирующие в социуме; вот только для жизнедеятельности они используют чужую энергию* [https://pikabu.ru/story/bezoshibochniy_priznak.29.12.2024]. *Токсичных людей еще называют энергетическими вампирами. Они питаются вашими ресурсами, обзывая вас, используя ложь, сплетни, физическое и моральное насилие. После общения с ними вы выжаты, как лимон, и у вас совершенно не остается сил на свою собственную жизнь* [<https://adme.media/articles/29.11.2024>].

Специфические образные признаки лингвокультурного типажа «токсичный человек» в китайском языке следующие: «有毒的/有毒» (отравляющий/отравляющий), «传播毒» (распространяющий токсины), «愚蠢的人» (дьявол), символизирующий зло, «邪恶的笑容» (злая улыбка), «毒舌» (ядовитый язык) как вербальный «инструмент» распространения сплетен и средство очернения других людей, «垃圾» (мусор) как негативная оценка нравственных и низко интеллектуальных действий человека, «脑子有病» (аномальный мозг) как показатель неадекватности поведения, речевых поступков, приносящих моральный ущерб окружающим. Рассматриваемый типаж в китайском языке обладает таким специфическим образным признаком, как «шутник», «весельчак». Этот признак характеризует токсичного человека, с одной стороны, как креативного индивида, а с другой – как индивида с определенным темпераментом, как человека, способного заразительно, оригинально высмеивать других людей. Образный признак «шутник», «весельчак», приписываемый китайскому лингвокультурному типу, как

представляется, в аксиологическом плане не может быть истолкован как позитивный феномен, поскольку данный признак типажа выявлен в шутливой коммуникации, содержащей иронию, сарказм, самоиронию.

Описание лингвокультурного типажа путем анализа используемых коммуникативных стратегий и тактик, которые приписываются ему жертвой токсичности, позволяет определить интенцию, декодируемую «со стороны». Но в деструктивной коммуникации вполне возможно, что не всегда коммуникант намеревался уязвить, нанести моральный ущерб другому человеку. Не исключены ситуации, когда коммуникант непреднамеренно (например, неудачным речевым оборотом, двусмысленностью высказывания) причинил психологический дискомфорт другому человеку.

Анализ языкового материала позволяет заключить, что основной коммуникативной стратегией, приписываемой токсичному человеку извне (со стороны жертвы токсичности), в российском и китайском коммуникативном пространстве является доминирование. Иначе говоря, возникающие дискомфортные ощущения у собеседника или опосредованного участника коммуникации объясняются жертвой токсичности стремлением партнера/ иного лица повысить свой статус, подчеркнуть свою значимость, свои преимущества, достоинства на фоне «пострадавшего».

Данная стратегия реализуется посредством коммуникативных тактик демонстрации власти и силы, обвинения, оскорбления, доказательства своей правоты, игнорирования мнения собеседника, высмеивания, словесного нападения, выражения гнева, демонстрации лидерства. Они носят универсальный характер для обеих лингвокультур. Нередко названные выше тактики используются в сочетании друг с другом как в институциональном, так и в персональном дискурсе. В нижеприведенном текстовом фрагменте из СМИ можно видеть, как жесткая воспитательная работа матери приводит к крайне нежелательным результатам – недоверию во взаимоотношениях детей и их родителей, психологическому дискомфорту обеих сторон, депрессии, угнетенному состоянию ребёнка. В данном случае базовыми тактиками токсичной матери выступают осуждение, обвинение, угроза и вербальное давление на ребенка: 小明是一个初中生，他的母亲一直采用的是一种严厉的教育方式。她认为孩子应该听父母的话，不应该反抗，否则就应该被惩罚。因此，小明的母亲经常打骂他，甚至有时还会采用体罚的方式。这种教育方式让小明感到非常沮丧和无助，他开始对学习失去了兴趣，甚至开始逃学。他的母亲认为这是孩子不听话的结果，于是

她更加加强了对小明的管制和控制。然而，这种做法让小明更加反感和抵制，他开始有了逆反心理，不再理会母亲的任何话 [wenku.baidu.com, 12.03.2023]。— Сяо Мин учится в младших классах средней школы. Его мать всегда придерживалась строгих методов воспитания. Она считает, что дети должны подчиняться родителям и не должны сопротивляться, иначе их следует наказывать. Поэтому мать Сяо Мина часто избивала и ругала его, а иногда даже применяла телесные наказания. Такой метод воспитания заставил Сяо Мина почувствовать себя очень расстроенным и беспомощным. Он начал терять интерес к учебе и даже перестал ходить на занятия. Его мать считала, что это результат непослушания ребенка, поэтому ужесточила контроль над Сяо Мином. Однако такой подход вызвал у Сяо Мина еще большее отвращение и сопротивление. Он начал проявлять бунтарский настрой и больше не обращал внимания на то, что говорила его мать.

Иллюстрацией коммуникативных тактик словесного нападения на подчиненных, выражения гнева и демонстрация лидерства служит следующий пример из российских СМИ: *Директор был очень эмоциональным человеком и постоянно кричал на подчиненных. Поскольку я сидела от него через стенку, поневоле слышала эти крики. У него была такая странная манера общаться – он всё время гневался, спрашивал, будто бросал вызов, старался напасть неожиданно. Когда он резко шел к моему столу, мне казалось, это дикий зверь на меня надвигается. Он и выглядел также: высокий, поджарый, сильный мужчина с рычащим голосом. В итоге, мне стали сниться страшные сны с его участием, и проработав примерно полгода, я сдалась и уволилась* [checkperson.ru, 2020.01]. В описании использован ряд тактик, свидетельствующих о токсичности человека в институциональном общении. Наиболее яркими здесь являются такие образные признаки мужчины-начальника, как рычащий голос, неоправданно громкий голос, резкость движений. Примечательно образное сравнение мужчины-начальника с диким зверем.

Этнокультурная специфика деструктивного коммуникативного поведения исследуемого типажа в русской лингвокультуре проявляется в использовании тактики санкционирования (ссылки на формальную норму), тактики информирования и тактики привлечения союзника, в то время как в китайской лингвокультуре в отличие от русской лингвокультурный токсичный человек часто прибегает к тактикам прямой угрозы, обвинения и тактики скрытого издевательства, эффект от применения которой достигается посредством манипуляции «лицом» – категорией, важной для китайцев. Для китайской культуры феномен

«面子» (лицо) является системообразующим фактором нормативного коммуникативного поведения. В межличностном общении феномен «лицо» связан с идентичностью индивида, с занимаемым социальным статусом, ролью, завоеванным престижем и включает личные достижения человека и его характер. В китайской аксиологической картине мира обладает высокой психологической актуальностью архетипический страх «потерять лицо». «Лицо» в китайской лингвокультуре – это не только характеристика мировоззрения индивидов, но и отражение социальных норм, выражение моральных качеств и большого морального удовлетворения, граничащего с радостью быть признанным другими. В русской лингвокультуре феномен «лицо» менее значим и может выражать широкий спектр понятий в социальном, моральном и психологическом аспектах, в том числе сохранение социального достоинства, ценности, статуса, репутации и т.д.; сохранение доверия, уважение, контроль личности и эмоций и т.д. В отличие от китайской в русской лингвокультуре «лицо» воспринимается как коммуникативная стратегия, направленная на сокрытие своей истинной сущности, умение демонстрировать внешнее, оставляя внутреннее невидимым. В отличие от русской лингвокультуры китайский феномен «лицо» включает только благородные, социально одобряемые нормы и реальные свойства человека и его поведения.

В китайской лингвокультуре более четко прослеживается гендерная специфика использования коммуникативных тактик. Для реализации коммуникативной стратегии доминирования китайские женщины-начальники прибегают к тактике «мягкая политика». Приведем пример: 你的能力一直都很强，这些工作今天应该就能完成! (*Твои способности всегда были на высоте, эти задачи нужно выполнить сегодня!*), 你的项目计划地不错，但是还是需要按照我的要求，重新再做一份! (*План у тебя хороший, но все же мне нужно – сделайте еще один по моей просьбе!*), 我知道你累，我也累，但我依然坚持工作，因为我们是一个团队，所以我希望你也能留下来继续加班! (*Я знаю, что ты устал, и я тоже устала, но я все еще настаиваю на работе, потому что мы команда, поэтому я надеюсь, что ты можешь остаться и продолжать работать сверхурочно!*) [www.baidu]. Мы видим, что женщина-начальница достаточно тактична. Она предпочитает подавлять сотрудников психологически, без оскорблений, понимая важность сохранения лица своих подчиненных.

Китайские мужчины-начальники, как правило, используют тактику демонстрации силы и власти: 如果今天完成不了工作，就不要干了，

滚回家吧! (Если ты не можешь закончить свою работу сегодня, не делай этого, иди домой!), 我三天就能干好的事情, 你到现在还没有完成! (То, что я могу сделать за три дня, ты еще не закончил!), 我说的话, 难道你听不懂吗? (Ты что, не понял, что я сказал?) [www.baidu].

В следующем примере из российских СМИ подчиненный жалуется на своего руководителя, обвинившего его в неумении управлять персоналом. Вынужденный уволиться сотрудник чувствует себя жертвой своего руководителя. Тактику обвинения жертва воспринимает болезненно. В восприятии вынужденного уволиться лица вина лежит на руководителе, не посчитавшего нужным оказать ему помощь: *Когда я пришел в компанию руководителем группы, там уже был свой сложившейся коллектив. Моя задача была вывести отдел на новый уровень продаж. Кстати, особенность ситуации была в том, что руководитель данного подразделения поднялся до начальника и стал моим боссом. Со многими бывшими подчиненными у него сложились дружеские отношения. Сначала все было хорошо. Но потом я понял, что многие сотрудники так и не привыкли к новой должности своего бывшего начальника и по-прежнему за советом ходили к нему. Несложно догадаться, какие чувства это вызывало у меня. Я подошел с этим вопросом к нему с просьбой как-то решить этот вопрос, на что получил ответ: «Ваша задача – заслужить авторитет. Они же видят, что вы не можете решить вопросы, поэтому и обращаются ко мне». Я попытался поговорить с сотрудниками, применив директивный стиль управления. Ничего не получилось. Вместо этого руководитель вызвал меня к себе и достаточно жестко сообщил, что я не умею управлять, два человека подало заявление: «Либо ситуацию вы решаете, либо увольнитесь сами». В итоге я уволился [www.mobbingu.net, 15.01.2015].*

Широкий репертуар коммуникативных тактик, их активное применение в проанализированных русских и китайских материалах объясняется разнообразными мотивами адресанта – вызов эмпатии к себе у окружающих, стремление представить себя как положительного актора прямой или опосредованной коммуникации, побуждение адресата к действиям и др.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования и намечается его перспектива, которую мы видим в изучении других типажей китайской и русской лингвокультур, в выявлении в их содержании общих и этнокультурных признаков.

Библиография включает 189 наименований первоисточников на русском и китайском языках.

Основные результаты диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Дмитриева, О.А., Ху Ю. Семантическое развитие понятия «токсичность» / О. А. Дмитриева, Ю. Ху // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2022. – № 3(36). – С. 103-108 (0,84 п.л., доля авторского участия – 0,42 п.л.).

2. Ху, Ю. Вербализация пассивной агрессии в текстах масс-медиа / Ю. Ху // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 6-1. – С. 183-187 (0,54 п.л.).

3. Ху, Ю. Коммуникативные стратегии и тактики токсичного человека (на материале массмедийных текстов) / Ю. Ху // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3. № 11. – С. 92-100 (0,87 п.л.).

4. Ху, Ю. Вербализация агрессии в текстах масс-медиа / Ю. Ху // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 6 (887). – С. 112–118 (0,48 п.л.).

Статьи в изданиях базы РИНЦ, в сборниках научных трудов и материалах конференций:

5. Ху, Ю. Токсичность: психологический и лингвистический аспект / Ю. Ху // Биология и интегративная медицина. – 2021. – № 6(53). – С. 411-419 (0,46 п.л.).

6. Ху, Ю. Понятийная характеристика лингвокультурного типажа «токсичный человек» в русском и китайском языках / Ю. Ху // Актуальные проблемы билингвизма и диалог культур (в аспекте взаимодействия русского языка с языками центральной Азии). Бишкек, 18 февраля 2022 года. – Бишкек: Издательство Кыргызско-Российского Славянского университета, 2022. – С. 256-261 (0,3 п.л.).

7. Ху, Ю. Ассоциативное поле лингвокультурного типажа «токсичный человек» / Ю. Ху // Язык – литература – культура: Материалы Международной научно-практической конференции, Андижан, 14 января 2022 года. – Андижан: Перо, 2022. – С. 254-262 (0,56 п.л.).

8. Ху, Ю. Коммуникативный типаж «токсичный человек» / Ю. Ху // Актуальные проблемы русистики: взгляд молодых: Материалы II научно-практической конференции с международным участием, Элиста, 15 апреля 2022 года / Отв. редактор Э.В. Эрдниева. – Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2022. – С. 132-136 (0,3 п.л.).

9. Ху, Ю. Коммуникация и коммуникативное поведение как объект изучения в гуманитарных науках / Ю. Ху // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2023. – № 1(1). – С. 42-50 (0,7 п.л.).

10. Ху, Ю. Ликосберегающая тактика «сохранить лицо» в русской и китайской картинах мира / Ю. Ху // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2023. – № 35. – С. 6-11 (0,53 п.л.).

11. Ху, Ю. Деструктивное коммуникативное поведение «токсичного человека»: гендерный аспект / Ю. Ху // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: сборник материалов VII международной научной конференции, Курган, 24 марта 2023 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2023. – С. 707-714 (0,53 п.л.).

12. Ху, Ю. Вербализация агрессии в китайском языке на материале текстов массмедиа / Ю. Ху // Образование: проблемы и перспективы, ценности и инновации: сборник научных статей второй международной научной конференции «Образование: проблемы и перспективы, ценности и инновации» (29 апреля 2023 года, г. Токмок) / отв. ред. Р.В. Вальваков. – Токмок: МУЦА, 2023. – С. 108-114 (0,42 п.л.).

13. Ху, Ю. Современные тенденции номинации деструктивного поведения в массмедийных текстах / Ю. Ху // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2024. – № 2(06). – С. 31-36 (0,43 п.л.).

14. Dmitrieva, O. A., Yu. Hu Evolution of the semantic development of the concept of “toxicity” in Chinese and Russian languages / O.A. Dmitrieva, Yu. Hu // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: Proceedings of the International Conference, Beijing, 19 июня 2024 года. – Beijing: ООО «Инфинити», 2024. – P. 68-75 (0,27 п.л., доля авторского участия – 0,13 п.л.).

ХУ Юйпинь

ТОКСИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК
КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 05.03.25. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,3. Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27